

ПОСЛЕДУЮЩИЕ три дня Александр Исаевич на квартире у Шуры Поповой работал над рукописью. Ему удалось довольно органично ввести некоторые добавления. Так появился и «батька усатый» в качестве единственного упоминания Сталина. Закончив работу, Александр Исаевич прикинул, что исправления составили по объему и по значению не более полупроцента текста повести. Такую жертву ради целого стоило принести! 26 июля он отвез рукопись в «Новый мир».

А вечером состоялось его знакомство с Виктором Некрасовым. Муж был о нем высокого мнения, особенно ценя книгу «В окопах Сталинграда», прочтенную еще в лагере. Виктор Платонович был немного старше Александра Исаевича. Мужу он понравился: интересный, живой, общительный. Разговор шел за столом, со «Столичной» и «Токайским». Пили за «Ивана Денисовича», за литературу, за «Новый мир» и даже... за Конфуция! Некрасов много говорил о заграничных впечатлениях. Рассказывал, что, когда они с Твардовским были в Италии и слышали упреки, будто в нашей литературе нет реализма, ему стоило большого труда не похвалиться, что читал «Ивана Денисовича».

— Но не могу, скован.

При этом Виктор Платонович, держа руки за спинкой стула, порывался всем корпусом отделиться от нее. Некрасов предложил Солженицыну быть на «ты» и по именам. Александр Исаевич нехотя поддался, еще не привык... Муж позвонил мне по телефону, что задерживается.

— Кто это? Любимая женщина? — спросил Виктор Платонович.

— Просто жена, — улыбнулся Александр Исаевич.

— Так где же она? Пусть приезжает! Или едем к ней!

Но был уже слишком поздний час. В тот раз я с Некрасовым не познакомилась.

Во второй половине отпуска наметен велопоход по Прибалтике с одним из друзей — Леной Власовой, и одновременно — героем будущего рассказа, который самое время начинать для «Нового мира». В то время, как Александр Исаевич уехал в Прибалтику, Н. С. Хрущев поехал отдыхать в Крым. До его отпуска окончательный вариант повести не успели передать. Референт В. С. Лебедев получил его вместе с отзывами и письмом Твардовского 6 августа. Все надолго приостановилось. Лишь как-то позвонил в редакцию заведующий Отделом пропаганды ЦК Поликарпов, попросил прислать рукопись «Ивана Денисовича». Прочитав, сказал, что мешать печатанию повести не будет. Это позволяло надеяться, что продвижение «Одного дня» зашло довольно далеко...

Александр Исаевич тем временем путешествовал с другом по Латвии и Литве. Ночевали они чаще всего в гостиницах, однажды — на сеновале, раз — просто в копне сена. Эта ночевка стоила Александру Исаевичу многолетнего радикулита. Зато его будущий герой Вася Зотов, ничего о том не подозревая, все больше раскрывался ему. Вопреки своим принципам Александр Исаевич даже один раз ужинал с Власовой в ресторане с вином, направляя разговор к истории, которую рассказывал ему Леня, когда навестил нас впервые в Рязани. Еще тогда Александр Исаевич угадал в этой истории готовый сюжет для рассказа.

Вернулся из похода муж очень довольный. Загорел, похудел. Привез три заснятые фотоленки, которые оказались безукоризненными. Однако радикулит прижал его. Лежа в кровати, муж принялся за переделку пьесы «Свет, который в тебе». Был ею не вполне доволен, да и от других пришлось услышать много критических замечаний о ней. Наступил новый учебный год. Мы так долго не получали известий из Москвы, что июльские события стали ка-

— Скажите мне только одно: читал? — спросил он.

— Читал. Понравилось.

Возвратясь из Москвы, Александр Исаевич говорил мне:

— Никогда не думал, что вход мой в литературу будет таким, что люди будут полны такого энтузиазма... Людям хочется прикоснуться к чистому!

Теперь, когда стала реальной надежда, что «Один день» будет напечатан, Александру Исаевичу пора приниматься за новый рассказ. Ведь ради него был предпринят велопоход с Леной Власовой. Worse нехоти мой институт затеял ремонт дома. Александру Исаевичу приходилось работать под непрекращающиеся стуки из коридора. Все же рассказ создавался...

Вскоре состоялось заседание Президиума ЦК. На нем не столько членами Президиума, которые молчали в ответ на вопрос «печатать или нет?», сколько самим Хрущевым было наконец решено печатать «Ивана Денисовича». Лебедев позвонил в редакцию:

— Разрешено!

Но прошло еще пять дней, прежде чем Твардовский получил официальное разрешение. В субботу его вызвали к Хрущеву. Беседа продолжалась два часа. Об «Одном дне» Хрущев отозвался, что это — жизнеутверждающая вещь, что она идет в развитие XXII съезда. Надо же быть последовательными! Поделится с Твардовским, что кое-кто предлагал сделать в повести лагерную администрацию доброй, но Никита Сергеевич им возразил: «Так это что — курорт, что ли?..» Он считал ненормальным, что повесть проходит в печать таким сложным путем. «Для чего же тогда аппарат?» — сердился он. Вместе с «Иваном Денисовичем» Никита Сергеевич разрешил Твардовскому печатать и его «Термина на том свете», тоже ожидавшего этот день уже несколько лет.

— Какое счастье, что нами руководит такой человек! — сказал Александр Трифонович, вернувшись

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Наталья РЕШЕТОВСКАЯ

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН.

— Скажи, как ты мог написать сто процентов правды? В чем секрет твоего искусства? — спрашивал Некрасов у Солженицына.

— Да в том, — отвечал Александр Исаевич, — что толкнули тебя головой в пекло, вот и напишешь...

Некрасов восхищался умением Солженицына написать об одном лагере так, что видны все лагеря, написать так «Матрену», что видна деревня вообще. Ему было интересно: что последует за напечатанием повести — вызовет ли она пламя или все останется по-старому?

— Ведь это — не сенсационное разоблачение, это — народная точка зрения, — убежденно говорил Некрасов.

Вскоре он подарил мужу свою книгу с надписью: «Александру Исаевичу Солженицыну с великой благодарностью за то, что он для всех нас сделал! 19. 10. 62.»

На следующее утро, как обычно перед возвращением домой, покупаем продукты. А днем я провожаю мужа в «Новый мир», фотографирую его, входящим в двери редакции.

Я радуюсь всему этому, но в глубине души начинают звучать тревожные нотки, что-то еще не вполне осознанное... «Муж как будто уплывает от меня», — делилась я с Шурой. Я понимала: перед ним распахивался воистину НОВЫЙ МИР! Возьмет ли он меня туда с собою?..

В редакции с Александром Исаевичем разговаривали на этот раз Твардовский, Берзер и ответственный секретарь Закс. Солженицын сказал им: «Мне кажется, что я не погрешил против своей совести и как будто откликнулся на большинство ваших замечаний». Закс «торгуется» из-за ругательств. В результате три выбрасываются.

— Боюсь, что своими исправлениями я испортил повесть, — шутит Александр Исаевич.

Ему дали прочесть предисловие Твардовского к «Одному дню». Оно показалось Александру Исаевичу несколько громоздким. Не понравилось, что Твардовский как бы предвзвешивает повесть, поясняя, что речь пойдет о счастливом дне заключенного: повесть будет читаться с меньшим интересом. Твардовский согласился и вычеркнул слово «счастливый», пошутив при этом, что Солженицына можно, пожалуй, принять в редакторы. Что касается отзывов Чуковского, Маршак и других писателей, то их снова Александру Исаевичу не показали.

— Я не спешу давать вам читать отзывы, боюсь вас испортить, — оправдывался Твардовский.

— Я не буду вас просить дать их мне, но возможность меня испортить уже упущена, — парировал Солженицын.

Расставаясь, Александр Трифонович не утерпел: — Ну вот вы там едите, смотрите... Небось путевые записочки есть?

Александр Исаевич остался верен себе:

— По-моему, сейчас слово за «Новым миром». Когда он скажет свое слово — за мной останюки не будет.

заться сном. Но на самом деле события развивались...

Хрущев принял в Гаграх американского поэта Фроста, которого сопровождали В. Лебедев и А. Сурков, тогда секретарь Союза писателей. Они заговорили между собой об «Иване Денисовиче». Не нарочно ли Лебедев так подстроил? Хрущев заинтересовался: «Что, что? Что вы там от меня скрываете?». Объяснили. Никита Сергеевич не возражал познакомиться с рукописью. Однако у Лебедева ее не оказалось. Вылетел в Москву. Где-то в середине сентября Лебедев прочел вслух «Один день Ивана Денисовича» Хрущеву и Микояну. Никите Сергеевичу повесть понравилась.

Продолжая заниматься «Свечечкой», Александр Исаевич не подозревал, что Твардовский уже знал о согласии Хрущева печатать «Ивана Денисовича». По возвращении в Москву Лебедев позвонил Твардовскому: «Трифоныч, есть правда на земле!.. Но... официального звонка из ЦК не было еще несколько дней. Александр Трифонович был как на иголках: «Уйду из редакции, если не напечатают!». Наконец 21 сентября Твардовскому позвонили из ЦК. Чего угодно он мог ожидать, только не ошеломляющего и невыполнимого задания: к завтрашнему дню обеспечить двадцать экземпляров повести!

— Но у меня нет такого количества! — пытался он возразить.

— Обеспечить! — было ему ответом.

Сколько нужно машинисток, чтобы за одну ночь сделать пять закладок «Одного дня»? В редакции известного всему миру журнала машинисток было всего две. Твардовскому удалось договориться с заведующим типографией «Известий», заказав двадцать пять экземпляров «Ивана Денисовича». Той же ночью вместо газеты четыре машины печатали «Один день Ивана Денисовича». В «Новом мире» дежурили Кондратович, Берзер и четыре корректорши. Все были поражены необычностью текста! На следующий день двадцать три книжечки в синих бумажных обложках (одна осталась в редакции, а другую предназначили автору) отвезли в Центральный Комитет. Но почему понадобилось столько экземпляров? Оказывается, по замыслу Хрущева крупнейшие работники ЦК должны прочесть повесть и составить свое мнение, печатать или не печатать.

В это время у нас дома произошел курьезный случай. Отдыхая после обеда, мы читали. Вдруг муж спросил:

— Ты не слышишь еще часов в нашей комнате? Я слышу часы.

— Но ведь это «будик».

— Да нет.

— Ну, значит, мои...

— Нет, не они.

В этот миг раздался оглушающий звонок из угла. Александр Исаевич пошел на звук и достал из тумбочки наш старый испорченный будильник, пролежавший там по меньшей мере года полтора. Этот удивительный звонок прозвучал как сигнал, что пора ехать в Москву узнавать новости...

— Как хорошо, что вы приехали! — обрадовалась мужу Берзер.

от Хрущева. Тотчас же послал телеграмму в Рязань. Он торопился порадовать Александра Исаевича и самому разделить с ним одержанную победу!

Тем субботним вечером мы были в комнате. Вечер 20 октября для нас особенно памятен. В этот час шесть лет назад мой поезд приближался к Торфопродукту, а Александр Исаевич уже вышел из дома Матрены Васильевны меня встречать... В дверь постучали:

— Солженицын здесь живет? Ему телеграмма.

Уж не та ли, которую ждем?.. Неужели Трифонович, сам того не ведая, снова подстерг наш семейный праздник?.. Так и есть! «Повесть идет одиннадцатым номером журнала поздравляю = Твардовский». Будто гора свалилась с плеч...

На следующий день Александр Исаевич отпечатал на «Колибри» письмо: «Дорогой Александр Трифонович! Последнее время я так уже понимал (и вполне смирился с этим), что «Иван Денисович» не пойдет. Тем неожиданней и приятней было вчера получить Вашу телеграмму, за которую благодарю Вас».

Сдержанность ответа покорила Твардовского, и он написал об этом Александру Исаевичу без обиняков: «Скажу по правде, что мне, вместе с моими товарищами по редакции (и не только редакции!), пережившему настоящий праздник победы, торжества в день, когда я узнал, что «все хорошо», — мне показалась чуть-чуть огорчительной та сдержанность, с которой Вы отозвались на мою телеграмму-поздравление, то словечко «приятно», которое в данном случае было, простите, просто обидным для меня. Много месяцев я жил с Вашей вестью и ее возможной судьбой в полной душевной неотрывности, для меня это было вопросом «или — или».

Александру Исаевичу пришлось оправдываться:

«Дорогой-дорогой Александр Трифонович!

Знаете ли Вы, с какими мыслями я вскрыл Ваш конверт? Жена принесла и говорит восторженно: «Толстое письмо из «Нового мира». Почему такое толстое?». Я пощупал и сказал: «Совершенно ясно. Кто-то хочет от меня еще уступок, а я их больше делать не могу. На этом печатание пока закончено».

Я для того так начинаю, чтобы Вы яснее почувствовали разницу между «праздником победы», царящим в редакции, и моей жизнью в Рязани (с утра колю дрова, потом готовлюсь к урокам, потом иду в школу, там меня корят за пропуск политзанятий или упущения во внеклассной работе — ни одна душа за порогом квартиры и вообразить не может, что я хоть издали причастен к какой-нибудь литературе). Все московские разговоры и телеграммы начинают казаться чистым сном. Для Вас, выпустившего в свет уже вереницу этих журналов, с двадцатого октября было ясно, что «Денисыч» будет напечатан, а для меня из Вашей телеграммы только то стало ясно, что пока запрета нет, а что впереди — еще видно будет.

Поэтому убедительно прошу Вас, дорогой Александр Трифонович, не оставляйте в сердце обиды на мое словечко «приятно» — я был бы не искренен, если бы тогда выразился сильнее, никакой буйной радости я тогда не испытывал.

2011-80

Солженицын А.И.

Прибалтика. Лето 1962 г. Велопоход А. СОЛЖЕНИЦЫНА с Л. ВЛАСОВЫМ — прототипом Зотова в рассказе «Случай на станции Кречетовка».

Вообще вся моя жизнь приучила меня гораздо больше к плохому, чем к хорошему, и в плохое я всегда верю легче, с готовностью. Я усвоил еще в лагере такой жизненный девиз, русскую поговорку: «Счастью не верь, беды не пугайся». Я прилачился жить по этой поговорке и надеюсь никогда с нее не сойти.

Главную радость с этой повестью, как Вы по себе знаете это прекрасно, я испытал тогда, когда написал ее пять лет назад. С тех пор она для меня сильно постарела и отдалась. Главную радость «признания» я пережил в декабре прошлого года, когда Вы оценили «Денисовича» бессонной ночью. После этого остальные похвалы не были для меня переключателями.

Самая большая человеческая радость была в том, что я в Вас не ошибся! Вы пренебрегли многим и взяли на себя ответственность за эту повесть, сняли ее с меня. С тех пор я мог уже о ней не думать, а только издали удивляться той настойчивости и умению, с которыми Вы ее постепенно проводите.

Но (кажется, мы одинаково это понимаем) в печати «Ивана Денисовича» сторона личной удали отступает на задний план и у автора, и у издателя — перед тем, что Вы назвали скрещением многих лучей, и это — самое важное.

Если всем сказанным я добился, что снял с Вас огорчение, — то одновременно снимаю его и с себя, ибо это только одно-единственное было больно мне прочесть в Вашем письме.

Во всем остальном письме Ваше такое дружественное, даже полно такой любви ко мне и беспокорства об мне, что я крайне растроган. Спасибо же большое, Александр Трифонович, за искрометно сердечное Ваше письмо! Хотелось бы когда-нибудь оказаться в состоянии сделать в свою очередь что-либо полезное и для Вас.

Будьте здоровы и благополучны! Трудитесь успешно!

До скорой встречи!

Ваш Солженицын».

Но так ли уж невозмутимо принял муж давно ожидаемое известие? Хотя сентябрь и октябрь он продолжал вести обычную напряженную школьно-писательскую жизнь, в каких-то клеточках мозга все время жило беспокойство за судьбу «Ивана Денисовича», а значит, и за собственную судьбу. Иногда в этих клеточках рождались сны... То мужу снилось, будто Хрущев, сделав знак машинисту поезда, проходившего по узкоколейке, посадил его в этот поезд. То снилось, как где-то в большом зале идет совещание. Оттуда выходят и говорят, что повесть разрешили к печати. Выбегают студенты Литинститута, обступают мужа и разглядывают...

Править первую корректуру его не вызвали: не стал бы забирать назад свои уступки. Предложили сразу вторую. Накануне муж прочел нам с Шурой Поповой, которая гостила у нас, только что законченный «Случай на станции Кречетовка». Рассказ нам понравился. Я была поражена: Василий Васильевич — это же прямо живой Лена! Как он отнесется к рассказу? Не рассердится? Меня это очень встревожило.

В «Новом мире» все наперебой спешили рассказать Александру Исаевичу новости. В «Вопросах литературы» на планерке было объявлено, что в «Новом мире» идет уже известная им повесть о лагере. Звонили, поздравляли... Был звонок из ВГИКа — для студентов Киноинститута нужна прозаическая вещь, чтобы разыграть ее в ролях и снять. «Говорят, что у вас в редакции есть вещь на уровне Толстого!» Девушки-корректорши признались, что влюблены в Шухова: «Сначала тяжело было читать, потом — легко...», «Вы, наверное, очень долго обдумывали, а потом сразу написали?!», «А какие фамилии! Волковой! Голчик! А Алеша?! Был бы Коля — совсем не то! А старик!..», «Первый парок, второй парок — помните?», «Теперь начнется новая литература!».

Новомирцы уже подумывали о том, чтобы в одном из ближайших номеров дать сразу два рассказа Солженицына: «Матрену» и «Случай», еще только обещанный. У Александра Исаевича спрашивали: «Вас будут перетягивать в Москву. Пойдете на это?» Он твердо отвечал: «Нет!» В Рязани легче укрыться от начинающегося ажиотажа. Запретил редакции давать свой адрес.

Но было и серьезное. Закс передал Солженицыну просьбу В. С. Лебедева убрать одну фразу в монологе бригадира Тюрина: «Есть ты, создатель, на небе: долго терпишь, да больно бьешь». Чтобы потянуть время, Александр Исаевич обещал подумать. Сам же занялся корректурой. Правил ее попеременно со слушанием радио: передавались нота за нотой по поводу Карибского кризиса. Работая над первой в жизни корректурой, Солженицын не знал, можно ли все это принимать всерьез. Если начнется война, какое уж тут печатание повести? Все полетит в преисподнюю! Но в те же часы стало ясно, что Хрущев не оказался безумцем, а значит, повесть идет!

Из Москвы Александр Исаевич привез первую корректуру, которую ему не давали править, хотя на ней и значилось: «Автору. Вернуть 25/Х». Привез также уникальный синеватый оттиск — один из тех, что печатались ночью специально для ЦК. Я впервые увидела произведение мужа типографски отпечатанным, да еще таким образом! Тоненькая книжечка сразу превратилась для меня в реликвию.

Слухи о разрешении повести поползли по Москве. Достигли они Аджубея — зятя Хрущева и в то время главного редактора «Известий». Рассказывали, что собрал он редакцию и возгласил: «Почему такую важную лагерную тему открывает «Новый мир», а не мы?!» Кто-то вспомнил, что два года назад из Читы был прислан рассказ о лагере. Рукопись в редакции не нашли: была в свое время отвергнута и, видимо, уничтожена. Но автора отыскали и приняли рассказ из Читы по телефону. Стоило ли считаться с расходами, когда дело шло о приоритете!

Это особенно болезненно пережил Твардовский, жалуюсь мужу: «Пусть не бог весть что серьезное, но все же случилось. В «Известиях» вдруг появляется рассказец «Самородок» Григория Ш., где впервые введены в обиход печатной странички такие словечки, как «опер», «сексот», «утренняя молитва» и т. п. А рассказец сам по себе преговорный, говорить не о чем...».

Муж успокоил Александра Трифоновича: «Рассказ Ш. я читал, мне тоже сперва показалось неприятно его появление. Но потом я подумал: а чем он мешает? Если хотели предварить и сбалансировать впечатление — думаю, что это или не удалось или удалось в обратном смысле. «Первооткрывания» темы — думаю, у них не получилось. А словечки? Да ведь не нами они придуманы, патента на них брать не предстоит».

Все же, встретясь с Аджубеем в редакции «Известий», на его бесцеремонный вопрос: «Можно ли называть вас Сааша?», Александр Трифонович с горечью сказал: «Алексей Иванович, как ты мог так поступить?» Но Аджубей увиливал от ответа, поспешив под каким-то предлогом удалиться.

Тем временем Москва все больше переполнялась слухами о скором выходе повести в «Новом мире». «Мне сказали, что Санина повесть будет напечатана в «Новом мире». И еще сказали: «Родился большой русский писатель!» — писала из Москвы подруга нашей юности Лидя Ежерец. «Вся Москва говорит о Саниной повести. Говорят, что одиннадцатый номер невозможно будет достать. Могут надеяться на получение авторского экземпляра?» — спрашивала Шура Попова.

Волнение вокруг «Ивана Денисовича» нарастало. В середине ноября мы получили письмо от художника С. М. Ивашева-Мусатова: «Вчера я был на вечере старых друзей, много переживших вместе, принадлежавших к совершенно разным категориям умственного труда. — и знаете, о чем с восторгом все говорили друг другу? О том, что все они с нетерпением ждут появления одиннадцатого номера «Нового мира», так как там должен быть напечатан удивительный рассказ на замечательную тему одного из первых раз печатающегося автора. При этом выяснилось, что каким-то чудом половина присутствующих уже читала рассказ и прекрасно знает фамилию автора, и говорит, что рассказ замечателен по своей правдивости, прямоте и великолепно написан с литературной точки зрения. И говорят, что вся Москва взволнована, знает об этом рассказе и ждет его! Только все уверены, что одиннадцатый номер «Нового мира» немисливо будет достать. Интересно? Я был поражен...».

Прочтя письмо друга, муж сказал мне:

— То, что происходит, превзошло все мои ожидания. Такого всеобщего восторга я не ожидал. Судьба «Горе от ума» или больше?..

Фамилия автора стала известна отчасти потому, что повесть попала к бывшему лагернику-экибастузцу Владимиру Гершуни, который признался нам: «Коротко расскажу, как я узнал, что А. Рязанский и А. Солженицын — одно и то же. Читал я повесть за месяц до публикации. Пекарня, посылочная, БУР, амбулатория — знакомая, зная география. Но мало ли, думалось, лагпунктов, схожих с нашим? И там БУР мог быть единственным каменным зданием, а посылочная — с дощатой пристройкой без двери. Хромой? В тысяче лагерей дневальный столовой мог быть хромым — ведь инвалидов берут в дневальные. Если бы ты не обошел его зеленое полупальто с меховым воротником, и это бы не соблазнило меня. Цезарь, его усы, его долагерная профессия, его трубка, посылки — уж на это ли не клюнуть? Но я гнал прочь соблазны. Дар — Вар, это совпадение слишком незначительное. Однако капитанище, сходство фамилий и рангов, да и возраст — это уже было свыше моих сил, и я начал высказывать робкие предположения. Понятно, что, узнав настоящее имя писателя, я от неожиданности проболтался, а слухи в Москве разлетаются; как и в лагере».

Незадолго до выхода «Ивана Денисовича» Твардовский писал мужу: «Вы не можете себе представить, как мы ждем выхода этой книжки, как ждет множество людей; уже знающих либо не знающих Вашу вещь, но наслышанных о ней в полной мере...». В том же письме Александр Трифонович писал о другом: «Уже сейчас столько людей домогалось у нас в редакции Вашего адреса, столько интереса к Вам, подогретого порой и внелитературными импульсами. А что будет, когда вещь появится в печати! Будет хорошая, чтобы не говорить наперед лишнего, пресса, будет огромная почта, и почта будет, я уверен, разная».

Словом, будет все то, что называется славой, ярким восходом нового большого имени на литературном горизонте, т. е. все то, что Вами вполне заслужено и чего не избежать, да и избежать незачем.

И всю эту речь я веду к тому, чтобы подчеркнуть мою надежду на Ваше спокойствие, выдержку, на высокое чувство собственного достоинства, зрелость мысли, на бескорыстие, несуетность Вашего прекрасного дара.

Вы прошли многие испытания, в которых сложился и возмужал Ваш дар, и трудно мне представить, чтобы Вы не выдержали испытания славой. До сих пор не только не было оснований предполагать в Вас нестойкости перед этим испытанием, но, наоборот, порой казалось, что не чрезмерна ли уж Ваша «несуетность», почти безразличия к тому, что сулит появление «Денисыча» в печати.

Но теперь я взываю как раз к Вашей сдержанности и несуетности, да укрепятся они и останутся неизменными спутниками Вашего дальнейшего труда, сулящего столько надежд всем нам, Вашим друзьям.

К Вам будут лезть с настырными «дать что-нибудь», отрывок, кусочек, будут предлагать договоры, деньги, будут просить разрешения на экранизацию и т. д. и т. п. Умоляю: держитесь. Держитесь в пределах разумного, не давайте в руки, ссылайтесь (мы имеем право надеяться на это) на обязательство перед «Новым миром», который-де забирает у Вас все, что выйдет из-под Вашего пера. А хотя издавать, переиздавать, экранизировать — на здоровье, только сами, боже упаси, не беритесь писать сценарии или инсценировать самого себя.

Впрочем, я могу предположить, что на все мои предупреждения Вы можете улыбнуться, сказать, что они совершенно излишни. Хочу так думать, но Ваша литературная молодость (при художественной, писательской зрелости) заставляет меня сделать эти, может быть, излишние и, может быть, даже обидные для Вас предостережения.

Муж ответил Александру Трифоновичу тотчас же: «Опасность славы я отчетливо сознаю сейчас и хочу обнадежить Вас, что она меня не сложет, тем более, что я могу рассчитывать на советы и поддержку друзей, да? Но я предвижу кратковременность ее течения — и мне хочется наиболее разумно (для моих уже готовых вещей) использовать ее».

Я давно уже решил, что не дам буквально ни одного интервью никому, ссылаясь на то, что о нужном напишу сам. На нападки, когда они начнутся, постараюсь никогда не отвечать газетной статьей. Да и на обещанный Вами «поток писем» надо бы не отвечать — иначе ничего больше не напишешь. И уж, конечно, никому, кроме «Нового мира», не дам никаких обязательств по прозе и стихам.

О проектах экранизации уже меня в редакции предупреждали, я думал это время и рад, что пришел к такому же решению, которое советуете Вы, именно: пусть себе экранизируют, у кино большая аудитория, делают лучше или хуже, или иначе... А я сценарием и работой с режиссерами заниматься не буду — толчеей на месте, да и время жалко отрывать от предстоящих новых работ. Надо позаботиться только, чтоб экранизация попала в хорошие руки».

Твардовский, открывший миру писателя Солженицына, как только мог и умел берег его. Вот почему, в частности, восторженные отзывы Чуковского, Маршана и некоторых других писателей и критиков он так и не дал Солженицыну. Мы прочли их лишь восемь лет спустя, когда по моей просьбе их извлекли из архива «Нового мира». Александр Трифонович никогда чрезмерно не хвалил Александра Исаевича в глаза, но, безмерно радуясь появлению большого таланта, естественно, не был сдержан с другими. А все, что Твардовский говорил кому бы то ни было о Солженицыне, стекалось к нему со всех сторон. Охотников на это было превеликое множество!

